

Модернизация семьи в России и Китае: роль государства

Введение. Переход к постиндустриальному обществу /обществу риска проблематизировал существование института семьи и исполнение им своей основной функции – воспроизводства населения. В современном обществе «люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами» [9]. Главной тенденцией развития социальных отношений становится их индивидуализация на фоне роста уровня жизни. Люди перестают зависеть от семьи и помощи ее членов, а опираются на себя, на свои индивидуальные возможности и успехи. Сама необходимость семейной жизни ставится под сомнение. «Главная фигура развитого модерна – это *одинокий* мужчина или *одинокая* женщина [9].

И. Кон назвал XX век веком трех революций – сексуальной, семейной и гендерной. Он отмечает: «главный сдвиг в брачно-семейных отношениях заключается в изменении критериев оценки: формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) и объективные (например, наличие детей) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие субъективного благополучия (*subjective well-being*)» [26]. В этих условиях семья все больше превращается в малую группу, утрачивая черты социального института, обретая статус индивидуальной ценности, а не общественной / объективной необходимости.

В современной социологии признано, что переход от традиционного общества к современному каждая страна совершает по-своему, нет единого универсального пути. Это в полной мере относится и к модернизации института семьи, хотя две основные тенденции, о которых шла речь выше – индивидуализация и акцент на стремлении к субъективному чувству счастья, характерны для всех вариантов ее модернизации, поскольку именно в этом она и состоит.

В отечественной литературе существует огромный пласт литературы, посвященной современной семье и ее репродуктивной функции. Исследуются новые формы семьи и брака [13], гендерные отношения в семье и факторы устойчивости брака [17], анализируются модели родительства и родительский потенциал [8], репродуктивные планы супругов [15], изучаются семейные стратегии российского студенчества и их представления в отношении родительства [3, 14], анализируются различные аспекты семейной политики и в частности, влияние мер материальной поддержки семьи на процессы рождаемости [10]. Взаимодействие семьи и государства исследуются обычно в рамках двух тем: государственная семейная политика [см. н-р, 37] или демографическая / гендерная политика [см. н-р, 16,19]. И в том, и в другом случае отношения семьи и государства полагаются асимметричными, государство выступает субъектом политики, семья – ее объектом.

Обратное воздействие семьи на государство, которое протекает на двух уровнях – макро и микро, исследуется значительно реже. Макро-воздействие осуществляется через воспроизводство рабочей силы / трудовых ресурсов / населения как такового, его количественных и качественных характеристик. Микро-воздействие проявляется через обеспечение морально-психологического благополучия государственных служащих, через разрешение или усугубление их внутриличностных конфликтов. Учитывая, что в России женщины составляют более 70% состава кадров государственного аппарата, конструктивное решение их основного ролевого конфликта «семья-работа» напрямую определяет эффективность работы этого аппарата [подробнее см. 20]. Что касается военной службы, в которой преобладают мужчины, то здесь «крепкий семейный тыл» – это основа национальной безопасности, поскольку трудно переоценить значение морально-психологического благополучия людей, у которых в руках оружие.

Еще одним важным направлением исследований выступает оценка влияния на модернизацию семьи других общественных институтов. Лучший пример подобного влияния – изменение распределения семейных ролей и рост

внебрачной рождаемости в России 1990-х [13, с.100]. Другой пример – вариация суммарного коэффициента рождаемости (далее СКР) в европейских странах. В 2017 году СКР во Франции составил 2,07, в Исландии – 2,0, в Швеции и Великобритании – 1,88, в Норвегии – 1,85, в Австрии он равнялся 1,47, Германии – 1,45, а в Италии – 1,44¹. Исследователи объясняют эту вариацию влиянием особенностей институциональной структуры страны [24].

Отечественных исследований семьи, загружающих эмпирику в институциональную рамку, пока явно недостаточно. В данной статье предпринята попытка закрыть этот теоретический пробел в одной весьма узкой области – определение характера воздействия государства на репродуктивную функцию модернизирующейся семьи с целью оценить границы этого воздействия. Институциональность будет включена в исследование через компаративный анализ семьи и семейной политики в России и Китае. Имеющийся в настоящее время массив источников о китайской семье на русском языке позволяет это сделать. Есть масштабные компаративные исследования тенденций изменения семьи в России и Китае [18,25,31], есть работы, анализирующие китайскую демографическую / семейную политику [4,6,7,27,29,30,34], социально-демографическое развитие КНР [5] проблемы китайской семьи [28,32], влияние социо-культурных трансформаций на китайскую семью [1], на положение женщин в современном китайском обществе [11,35], проведены исследования динамики семейных ценностей китайцы [36], в том числе китайской молодежи [12]. Особый интерес представляет работа О.В. Сивинцевой, которая анализирует пронаталистский поворот в репродуктивной политике Китая с позиций неинституционального подхода [33].

Еще раз отметим, что полноценное исследование процессов модернизации семьи требует анализа не только деятельности государства, но

¹Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>? (дата обращения 20.02.2020)

и воздействия на семью других общественных институтов, в первую очередь, экономических и культурных. Однако это задачи будущих исследований, в этой работе мы останемся в рамках государственной семейной / демографической политики². Сначала будет описана методология исследования, его теоретические линзы, сформулированы цель и основная гипотеза, далее будут представлены результаты, а именно: 1) анализ статистических и социологических данных, описывающих процесс модернизации семьи в России и Китае; 2) характеристика роли государства в процессах модернизации семьи в России и Китае; 3) определение факторов успешности/неуспешности семейной/демографической политики государства в двух странах. В заключении будут сделаны выводы и намечены направления дальнейших исследований.

Методология исследования. Были использованы три теоретических линзы. 1. Теория другого (второго) модерна У. Бека [9], которая позволяет связать задачи экономической модернизации с процессами нуклеаризации семьи и индивидуализации жизненного сценария. 2. Концепция множественности/вариативности модернизации Ш. Эйзенштадта. А именно, его идея о том, что «модернизация может иметь частичный характер, т.е. формирование новых институтов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации» [38, с.473]. Этот тезис позволяет понять, почему для решения демографических проблем государство может проводить политику частичной модернизации или даже демодернизации семьи. 3. Типология политических культур Г. Алмонда и С. Вербы [2]. В связи с тем, что в статье анализируется деятельность государства, эта теоретическая линза позволяет оценить характер взаимоотношений государства и граждан, степень их

² Семейная и демографическая политики – две разных (самостоятельных) отрасли социальной политики государства. Однако в рамках данной статьи они рассматриваются вместе и как синонимы в силу того, что в качестве предмета исследования выступает репродуктивная функция семьи

зависимости/независимости от государства, в том числе в решении семейных проблем.

Исследование является кабинетным, выполнено на основе вторичного анализа источников, в большинстве из которых использована количественная методология сбора данных.

Цель исследования. Выявить особенности семейной/демографической политики государства в России и Китае в конце XX – нач. XXI .в.в. и оценить их в контексте процесса модернизации семьи.

Основная гипотеза. В странах, заканчивающих демографический переход, возникает противоречие между потребностью государства в стабилизации численности населения и снижением рождаемости в модернизирующейся семье. Разрешение этого противоречия видится политикам России и Китая в частичной модернизации семьи через включение в демографическую/семейную политику дискурса неотрадиционализма (неофамелизма). Если в Китае еще есть для этого объективные условия, то в России их уже нет.

Результаты исследования.

Модернизация семьи происходит вместе с демографическим переходом, который результируется в общих показателях естественного движения населения. В таблице 1 показана их динамика за последние 70 лет. Россия и Китай начинают практически совпадать по общему коэффициенту рождаемости с 2008 г., а в 2017 г. наши страны имели практически равный СКР. Россия – 1,61, Китай 1,6³. Однако пути, приведшие к одинаковым результатам, являются совершенно разными.

Таблица 1.

Показатели естественного движения населения в России и Китае (‰)
(1950-2018гг.)⁴

³ Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>? (дата обращения 20.02.2020)

⁴ Таблица построена по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gks.ru>, Национального бюро статистики Китая (NBS). Официальный

Год	К рождаемости		К смертности		К естеств. прироста	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
1950	26,9	37,0	10,1	18,0	16,8	19,0
1960	23,2	20,86	7,4	25,43	15,8	-4,57
1970	14,6	33,43	8,7	7,6	5,9	25,83
1980	15,9	18,21	11,0	6,34	4,9	11,87
1990	13,4	21,06	11,2	6,67	2,2	14,39
1995	9,3	17,12	15,0	6,57	-5,7	10,55
2000	8,7	14,03	15,3	6,45	-6,6	7,58
2002	9,7	12,86	16,2	6,41	-6,5	6,45
2004	10,4	12,29	16,0	6,42	-5,6	5,87
2006	10,4	12,09	15,2	6,81	-4,8	5,28
2008	12,1	12,14	14,6	6,93	-2,5	5,17
2010	12,5	11,90	14,2	7,11	-1,6	4,79
2012	13,3	12,10	13,3	7,15	0	4,95
2014	13,3	12,37	13,1	7,16	0,2	5,21
2016	12,9	12,95	12,9	7,09	-0,01	5,86
2018	10,9	10,94	12,5	7,13	-1,6	3,81

В России начало активной пронаталистской политики датируется 2006 г., когда Президент страны в ежегодном послании Федеральному Собранию объявил демографию самой острой проблемой современной России⁵. Как свидетельствуют данные таблицы, возврата к дореформенным уровням рождаемости не произошло. Более того, коэффициент рождаемости 2018 г. оказался одним из самых низких за весь период проведения политики стимулирования рождаемости.

Необходимо сказать, что и Китай после официальной отмены в 2015 г. политики «одна семья – один ребенок» не получил ожидаемого увеличения рождаемости. В 2018 г. «ожидалось рождение более 21 млн детей. Но

сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?> (дата обращения 17.02.2020). и материалов (Баженова).

⁵ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 10.05.2006 // Российская газета. 11.05.2006. Федеральный выпуск №4063.

родилось только 15,23 млн , что практически на 2 млн меньше данных 2017 и 2016 гг. (17,23 млн и 17,86 млн)» [33, с.54].

И. Елисеева прогнозирует, что в России сокращение количества детей «будет нарастать до 2024 г. и только после 2024г. начнется сокращение темпов снижения рождаемости» [31, с.74]. При этом проблема не ограничивается только малочисленностью контингента фертильных женщин, не меньшее значение имеют репродуктивные установки населения. Межпоколенный анализ родительского потенциала, проведенный О. Безруковой, показал, что «подростки, в большей степени, чем взрослые, поддерживают установки на необязательность материнства и отцовства...они ориентированы на меньшее число детей в своих будущих семьях» [8, с. 94].

Политика планирования семьи и ограничения рождаемости была официально начата в Китае в 1979 г., в качестве национальной цели было провозглашено достижение к 2000 г. нулевого прироста населения [31, с.67–68]. По факту, в 2000 г. естественный прирост населения Китая составил 7,58 %. (см. табл.1). Политика «одна семья – один ребенок» принесла немало проблем стране как демографических [подробнее см. 31, с 67–71] так и социальных [12]. Было официально признано, что она не отвечает современным запросам китайского общества. В октябре 2015 г. на 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение разрешить иметь в семье двух детей без всяких дополнительных условий [34, с.115]. Оценки результатов подобной политики давать еще рано, но определенные трудности уже обозначились. Так, по итогам социологического опроса, 53,3% китайских семей, имеющих одного ребенка, не стремятся перейти в категорию двухдетных, в экономически развитых провинциях и городах среди опрошенных с высшим образованием 60% супружеских пар хотят иметь только одного ребенка [6, с. 105-106]. «В Нанкине⁶ среднее идеальное число детей в семье составляет 1,2 для тех, кому до 30 лет и 1,3 для тех, кому за 30

⁶ Нанкин – бывшая столица Китая, город с населением более 6 млн.человек, крупный промышленный и культурный центр на востоке страны.

[27, с.58]. Растет возраст вступления в брак. «С 2005 по 2015 гг., доля лиц, вступивших в брак в возрасте 20-24 лет, снизилась с 47% до 26,3%, а доля лиц в возрасте 40 лет и старше возросла с 3,9% до 16,2%» [1, с. 173]. Существует проблема «маленьких императоров» (единственных детей в семье, рожденных в 1980-е и 1990-е годы), заключающаяся в том, что многие дети школьного возраста не хотят иметь младших детей в семье. «В Циндао китайские школьники даже создали «Коалицию против братьев и сестер» [34, с. 121]. Растет осознанная бездетность. Появилась специальная аббревиатура для таких семей – DINK (Double Income No Kids – Двойной доход без детей). «50,2 % жительниц Пекина, чей месячный доход составляет от 5 до 15 тыс. юаней, не состоят в браке» [32, с.243]. «У молодежи снижается ценность традиционных брачных уз ... развивается стремление к свободе, профессиональному развитию, большое внимание уделяется вопросам экономической выгоды» [36, с.312].

Выше уже говорилось что основная линия модернизации семьи связана с ее нуклеаризацией и индивидуализацией жизненных стратегий. По данным переписи 2002 г., средний размер российской семьи равнялся 2,7 человека⁷, по данным микропереписи 2015 г., – 2,4⁸. Средний размер китайской семьи в 2000 г. составлял 4,33 человека, а в 2014 г.– 2,97 [6, с.99.]

Индивидуализация жизненных стратегий проявляется в разнообразии форм брака и семьи в наших странах. В Китае формируются новые формы брачных отношений: DINK (сознательная бездетность), пробное замужество и совместное проживание. однополые союзы, «супруги на выходные», тайный брак, безбрачие (откладывание вступления в брак) [36, с.312]. Среди молодого поколения появляются семьи модели «АА», «главная особенность которой заключается в несении обоими супругами расходов в равной мере и невмешательстве в финансовые дела друг друга» [12, с.18]. По данным опроса

⁷ Всероссийская перепись населения 2002 г. Том 6. «Число и состав домохозяйств» [Электронный ресурс] URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=1> (дата обращения 21.02.2020).

⁸ Микроперепись населения 2015. Раздел IX. Домохозяйства и семейные ячейки, учтенные микропереписью [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 21.02.2020).

2010 г., среди китайских супружеских пар, созданных людьми родившимися после 1980-х, доля сожительства до брака достигла 30 % [1 с. 178].

В России идут аналогичные процессы, растет число незарегистрированных браков, появляются «гостевые» браки (раздельное проживание супругов) и межрегиональные, растет число семей с пропущенным поколением, увеличивается число неполных семей [подробнее см. 13]. По данным социологических опросов студенческой молодежи, семья перестает быть необходимым элементом успешного жизненного сценария. Основой создания семьи признаются «любовь или уважение и доверие как условие для появления любви в процессе совместной семейной жизни» [3, с.208], а отнюдь не необходимость родить и вырастить детей.

Приведенные выше данные позволяют констатировать, что и в России, и в Китае семья переходит от традиционной (расширенной, патриархатной) к современной (партнерской, супружеской). Рассмотрим, какую роль в этом играет государство.

Политика планирования семьи в целях сокращения рождаемости, начатая в Китае в конце 1970-х, в общем и целом, совпала с объективным процессом перехода от второго этапа демографического перехода к третьему. Наряду с ускорением темпов экономического развития страны, шел активный процесс урбанизации. «В 2011 г. число городских жителей впервые превысило численность сельского населения (51,3 % и 48,7 % соответственно). В 2017 г. горожан стало еще больше — 813,47 млн человек (58,52 %). По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн человек, а в дальнейшем, к 2030 г. составит 1020 млн, 70 % общей численности населения КНР». [5, с.114].

Миграция сельских жителей в города на заработки (своего рода «отходничество») породила в стране рост числа семей, в которых родители живут отдельно от детей. «Дети, «оставленные» родителями-мигрантами составляют 35,1% всех детей, проживающих в сельской местности ...на конец 2010 г. из 61 млн. таких детей у 46,74% мигрировали оба родителя» [31, с. 35].

Подобное раздельное проживание объективно ведет к снижению рождаемости у сельских жителей. Что касается обеспеченных городских женщин и семей с высоким уровнем образования, то они, как уже отмечалось, выбирают стратегию бездетности или откладывания рождения детей. По данным опросов китайских женщин, в 2016 г. «показатель идеального числа детей в семье составил 1,75...При этом только 30% опрошенных женщин планируют иметь двоих детей». Наименьшие показатели по желаемому числу детей зафиксированы у женщин старше 35 лет. [27, с.59]

Можно предположить, что снижение рождаемости в Китае произошло бы и без проведения политики планирования семьи, только в силу модернизации экономики и связанной с этим урбанизации, как это произошло в свое время в СССР, но этот процесс шел бы значительно медленнее. Китайскому государству «за счет введения жестких мер ограничения рождаемости, сопровождаемых позитивной и негативной мотивацией (населения), распределением социальных гарантий и социальной рекламой» [33, с.58] удалось модернизировать традиционную семью всего за 40 лет.

Подобное вмешательство государства в жизнь семьи специалисты называют «государствоцентризмом», который предполагает поощрение рождаемости «вне зависимости от семейного и сексуального выбора граждан» [33, с.56]. Переход к политике двух-детности не изменил этот принцип, семья по-прежнему должна служить государству и меняться, исходя из задач экономического развития. «При помощи нового курса, отмечает О. Сивинцева, государство в очередной раз решает экономические задачи: в условиях сокращения темпов экономического роста руководство стремится расширить внутренний спрос среди населения, а также ликвидировать негативные последствия политики одного ребенка» [33. С.59].

По сути, это является это политикой частичной модернизации семьи через использование философии конфуцианства в части заботы детей (сыновей) и родителей друг о друге. Государство перекладывает заботу о несовершеннолетних и пожилых гражданах на родственников. «Такие нормы

содержатся как в Законе о браке, так и Законе о защите прав и интересов пожилых, последний из которых апеллирует к обязанности детей посещать родителей и выплачивать им ежемесячные пособия» [33, с.60] Тем самым дети становятся «живой пенсией» для родителей.

М. Клупт называет это дискурсом «неофамелизма», смысл которого состоит в том, что государство использует конфуцианские ценности для решения социально-экономических и политических задач. Он отмечает, что экономическая модернизация «приводит не к ослаблению связей между индивидом и семьей (как на Западе), а к воспроизводству центральной роли семьи в повседневной жизни [31 с.35]. Речь идет о развитии семейного бизнеса, о трудоустройстве с помощью семейных связей и о миграции из сельских районов в города с целью обеспечить членов семьи (детей и пожилых родителей). «Миграция становится частью семейного проекта. 70-75% мигрантов отправляют денежные переводы своим родным и близким, оставшимся по прежнему месту жительства. Вне места постоянной регистрации в 2016 г. проживало 292 млн. человек - более 1/5 населения КНР» [25, с.66].

Нельзя забывать и об идеологических мерах политики планирования семьи, очень важных для китайского общества. Политика ограничения рождаемости проводилась под лозунгами «Один ребенок – это жизнь в благополучии; два ребенка – жизнь в постоянных трудностях; три ребенка – жизнь в постоянном ужасе» [34, с. 115] и «поздно, редко, мало». Под «поздно» понимается поздний брак (для мужчин – не раньше 25 лет, для женщин – 23 года; рождение детей – не раньше, чем в 24 года); «редко» –разница в возрасте между детьми должна быть не менее 3 лет; «мало» – не более 2 детей в семье». [33, с.57]. Переход к политике двух детей в семье потребует новых лозунгов. Один их них – «лучшее наследство для ребенка – его братья и сестры» [34 с. 121].

Впрочем, некоторые авторы полагают, что Китай уже прошел точку невозврата и поднять рождаемость не сможет, поэтому «численность населения Китая начнет снижаться к 2023 году» [31, с.84].

Обобщая роль государства в модернизации семьи в Китае можно сделать ряд выводов:

1. Китайская семья вступила на путь модернизации довольно поздно, в конце 1970-х, этому способствовали как объективные экономические процессы, в частности рост промышленного производства и миграция в города сельских жителей на заработки, так и проведение государством политики «одна семья – один ребенок», радикально меняющей отношения в семье и при этом повышающий уровень жизни населения.

2. Семейной политики как таковой в Китае не проводилось. Как пишет С. Ли, «по сравнению с процветанием выдвижения и изучения семейной политики в других странах, Китай по этому направлению находится в серьезном отставании» [29, с.139]. Исследователь называет китайскую семейную политику «скрытой», потому что в Китае нет специальных государственных структур, занимающихся проблемами семьи и «китайское правительство никогда не заявляло официально об осуществлении семейной политики» [29, с.140]. В действующей Конституции КНР (1982 г.) в ст. 25 указывается: «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития». Из всего многообразия направлений семейной политики государство выделяет только планирование семьи, открыто объявляя это государственной задачей вне зависимости от семейного и репродуктивного выбора граждан.

3. Консенсус в семье достигается через использование государством глубоко укорененных в сознании граждан конфуцианских ценностей. Исследования показывают, что «на подсознательном уровне молодые китайцы имеют тесную связь с нравственными ценностями межличностных обязательств в рамках традиционной культуры» [33, с.60]. В силу этого «тема

кризиса семьи, обсуждаемая в России и странах Запада, не занимает в научной литературе, посвященной китайской семье сколько-нибудь значительного места» [25, с.67].

Другими словами, Китай, как и в случае с экономикой, пошел по пути частичной модернизации семьи, укрепляя традиционные системы через использование новых форм организации [38]. Конфуцианство продолжает оставаться ценностной основой семейных отношений в стране. «Пожизненный родительский долг перед детьми играет столь же важную роль как сыновний или дочерний – «политика одного ребенка» лишь усилила обе нормы» [25, с.67]. Тем самым семья продолжает выполнять жизненно необходимую в условиях отсутствия системы всеобщего социального обеспечения функцию экономической поддержки своих членов, как и во времена традиционного общества. Китайский неофамилизм, жестко регулируя рождаемость, «оставляет простор для реализации семейных экономических инициатив ...85,4% частных фирм в КНР контролируются семьями» [25, с. 66–67).

Теперь рассмотрим, какую роль играет государства в модернизации семьи в России. Тенденции снижения рождаемости, характеризующие завершение демографического перехода, в нашей стране были зафиксированы гораздо раньше, чем в Китае. СКР для городского населения составил 1,935 уже в 1960-1961 гг., а для всего населения – 1,972 в 1969-1970 гг. Небольшой демографический подъем 1984-1985, когда СКР равнялся 2,057⁹, остался исключением из правил. Рождаемость снижалась под воздействием объективных исторических процессов – широкого выхода женщин на рынок труда и ускоренной урбанизации. Перепись 1957 г. зафиксировала превышение городского населения над сельским. Произошел переход от расширенной патриархатной семьи сначала к детоцентристской, а затем к супружеской.

⁹ Суммарный коэффициент рождаемости // Демографический ежегодник России 2019. [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения 22.02.2020).

Это не было целью государства, а стало побочным эффектом ускоренной экономической модернизации. Формирование советского гендерного контракта «работающая мать» привело к тройной нагрузке женщин (работа по найму, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и пожилыми родственниками). Это не могло не снизить рождаемость. Экономические трудности 1990-х довели ее до критических значений (см. табл.1).

В этих условиях государству начинает проводить активную пронаталистскую политику и пытается идти по пути частичной модернизации семьи. 10 лет назад автору с И. Юкиной уже довелось высказать свои соображения по обоснованности такого пути [23]. Посмотрим, изменилось ли что-то за прошедшее время.

Меры российской семейной/демографической политики условно можно разделить на две большие группы – экономические (материальная помощь семьям с детьми, в том числе известный сертификат на получение материнского капитала при рождении первого/второго/третьего ребенка) и идеологические (пропаганда ценности семьи, детей и семейных отношений). В настоящее время основная ставка сделана на экономические меры.

Оценивая их эффективность, необходимо понимать, что они не в состоянии компенсировать семьям расходы на содержание детей. «Доля малоимущих домохозяйств в детьми в возрасте 16 (18) лет в общей численности населения увеличилась с 60% в 2011 г. до 63% в 2015 г. Причем увеличение этой доли касается только двухдетных семей» [13, с. 108].

Необходимо отметить еще один фактор, во многом обесценивающий меры материальной поддержки семьи, с точки зрения решения государственных задач. А именно преобладание у россиян патерналистской психологии и подданической политической культуры. Во многом это следствие советской политики социального обеспечения, но и сейчас «бедные слои населения, воспользовавшиеся «стимулами «по повышению рождаемости, сами не предпринимают активных усилий по повышению своего уровня жизни» [13, с. 108]. Как показывают опросы, «большинство

населения не удовлетворено малым объемом государственной материальной помощи семьям, а отнюдь не ее «патернализмом». [25, с.70]. Это характерно и для студенческой молодежи. По данным социологов, снижается число тех, кто полагается преимущественно на собственные силы. В 2007 г. таких было 85,5%, в 2019 г. – 80%. «Студенческая молодежь ожидает от государства денежной поддержки, помощи в приобретении или предоставлении жилья и трудоустройстве» [3, с. 209]. Эти данные свидетельствуют, что российская семья в ходе реформ 1990-х не восстановила свою экономическую функцию.

В отличие от Китая помощи в решении своих проблем люди ждут не от семьи, а от государства. Об этом же говорит и низкая доля семейных предприятий в стране. Только в июле 2019 года Минэкономразвития РФ подготовило законопроект о введении понятия «семейное предприятие», а Минфин начал разрабатывать параметры семейного патента»¹⁰. Психология патернализма формирует отношения социально-экономической зависимости от государства и загоняет семьи в «ловушку бедности». Это может привести к такой же ситуации, как и в США, когда «в начале XXI в. дети, а не пожилые стали беднейшей группой» [Гурко 2017 с. 108]. Но бедные семьи никогда не смогут обеспечить нужное качество населения.

Идеологические меры российской семейной/демографической политики связаны с пропагандой традиционных семейных ценностей и традиционной семьи. Однако здесь возникает некая двусмысленность. Государство, говоря о традициях, имеет в виду православные традиции расширенной патриархатной семьи¹¹, население имеет в виду советскую семью 1970-1980-х годов. Традиционализм российского населения проявляется не в преклонении перед традициями прошлого, а в неприятии «нетрадиционных» моделей поведения и идей, ассоциируемых с влиянием Запада [25, с. 70].

¹⁰ Эксперты оценили перспективы развития семейных предприятий в России. ТАСС. 29 июля 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/6711401> (дата обращения 22.02.2020).

¹¹ Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-п //Собрание законодательства РФ.2014. № 35, ст. 4811.

И та, и другая традиционность недостижимы в принципе. Православная идеология (как и идеология других конфессий) не является господствующей в общественном сознании. Свидетельством этому является отношение россиян к искусственному прерыванию беременности. Хотя государство всячески ограничивает условия легальности этой процедуры, все, на что реально оно может пойти – это перевести ее в разряд платных медицинских процедур, а также разрешить общественным (религиозным) организациям проводить с беременными различного рода разъяснительную работу. Что касается советской семьи, то она существовала в принципиально иных экономических условиях, когда не было такой сильной имущественной дифференциации и государство финансировало все учреждения социальной сферы, в силу чего семьи решали совсем иные проблемы, чем сейчас. Думается, что неудачи со стимулированием перехода семей к 2-3х детности связаны также с отсутствием понятных и приемлемых для населения жизненных перспектив. Люди не склонны рожать детей для государства, они хотят рожать их для себя [подробнее см. 22].

Обобщая, можно сделать следующие выводы:

1. Модернизация российской семьи в гораздо большей степени соответствует западному сценарию второго демографического перехода, хотя в стране существуют весьма значительные межрегиональные различия, связанные с этничностью и конфессиональностью населения. Традиции многодетности и расширенной семьи в семье с абсолютным большинством городского населения с начала 1970-х во многом утеряны.

2. Россия вряд ли сможет проводить успешную политику частичной модернизацию семьи по образцу Китая, который включил в семейную/демографическую политику дискурс конфуцианства и усиливает экономическую функцию семьи. Это связано с тем, что в стране нет единой ценностной/религиозной основы семейных отношений, а функцию экономической поддержки семьи и граждан еще в советское время взяло на себя государство, сформировав у населения патерналистскую психологию.

3. Следование политике западноевропейских стран, имеющих высокие СКР, требует не только материальной поддержки семей с детьми, но и признание факта существования модернизированной и плюралистичной по форме семьи, по-новому понимающей ценности родительства и брачно-семейных отношений. Исходя из логики модернизации, необходимо в качестве идеала рассматривать не традиционную, а счастливую семью.

Оценивая возможности достижения государством цели стабилизации демографических процессов на базе частичной модернизации семьи, можно сказать, что у Китая их значительно больше. Тенденции индивидуализации не затронули китайское общество столь же глубоко как российское, городское население превысило сельское только в 2011 г. Мощным фактором, поддерживающим родительский потенциал, становится глубоко укорененная в сознании населения философия конфуцианства.

У России шансов вернуться к доминированию 2-3-х детной модели семьи значительно меньше, потому что страна урбанизовалась уже в середине XX в., традиции многодетности населением во многом утеряны, экономические функции семьи ослабли в силу существования развитой системы социального страхования и пенсионного обеспечения. Поощрение государством многодетности мерами материальной поддержки в условиях распространенности у населения патерналистской психологии будет порождать застойную бедность семей с детьми, ограничивать возможности развития человеческого капитала и роста качества населения страны.

Заключение. И в России, и в Китае государство стремится использовать семью как ресурс экономического развития, институциональные различия связаны с отношением самих людей к семье, ее ценности для них, в роли государства в жизни семьи.

В Китае эта роль пока минимальна, традиционализм связан с конфуцианством (взаимной заботой детей и родителей, самообеспечением семьи), переход к политике двух-детности «пока не сопровождается стимулирующими мерами социального характера в масштабах всей страны»

[33, с. 59]. В то же время при средних запросах воспитание ребенка городской семье обходится в 20 тыс. юаней в год, тогда как среднедушевой доход горожан составляет чуть более 30 тыс. юаней [27, с.61]. Родить в таких условиях второго ребенка, значит обречь себя на нищету.

В России, наоборот, ставка сделана на экономические меры поддержки семьи, существуют многочисленные программы государственной помощи семье и детям, с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. в стране реализуется Национальный проект «Демография»¹², развиваются социальные сервисы по уходу за детьми и престарелыми.

Однако, как отмечалось в начале статьи, суммарные коэффициенты рождаемости в наших странах практически одинаковые.

Выдвинутая гипотеза о том, что у Китая больше возможностей стабилизировать демографические процессы за счет частичной модернизации семьи, чем у России, была подтверждена. Данные статистических и социологических исследований свидетельствуют, что традиционная семья оказывается более востребованной в Китае. Социальная политика в этой стране находится на этапе своего формирования, поэтому семья играет роль буфера, смягчающего жестокость реалий рыночной экономики. Для России ценность семьи определяется не столько экономическими мотивами, сколько социально-психологическими, поэтому государству необходимо не демодернизировать семью, а, напротив, усилить ее модернизацию, создавая условия, в которых родительство стало бы для населения постматериальной ценностью.

В данном исследовании совсем не был затронут такой важный фактор модернизации семьи как изменение положения женщины в обществе. Понятно, что движение к гендерному равенству идет вразрез с традициями расширенной патриархатной семьи и многодетности. Однако, успешный опыт стран Северной Европы в деле повышения рождаемости говорит, что эта

¹² Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. Доступ URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 01.03.2020).

взаимосвязь не так проста и прямолинейна. В Китае данная тематика усугубляется гендерным дисбалансом, сложившимся за время проведения политики «одна семья – один ребенок». Включение гендерного измерения в исследование процессов модернизации семьи в России и Китае – это весьма перспективное направление дальнейшего исследования темы.

Литература

1. Абрамов А.П., Цзе Л. Социокультурная трансформация китайской семейной традиции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 3 (28). С. 171–180.
2. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения 17.02.2020).
3. Андриюшина Е.В., Панова Е.А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi*. Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2. С. 200–219.
4. Баженова Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «Форум», 2010. 303 с.
5. Баженова Е. С. Социально-демографическое развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017-2018: монография. М.: ИД «Форум», 2018. С.109–119.
6. Баженова Е.С. Китайская семья в условиях новой демографической политики // В сборнике: 13-я пятилетка (2016-2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия "сяокан" Отв.ред.А.В. Островский; сост.П.Б. Каменнов. 2018. С. 97–109.
7. Барлукова О.М Влияние модернизации Китая и политики планирования деторождения на основные функции китайской семьи // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 104–106.
8. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 85–97.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2000. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_mode

[rnu.html](#) (дата обращения 17.02.2020).

10. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С.108–117.

11. Веселова Л.С. Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1455–1465.

12. Григорьева К.В., Котельникова Т.В. Трансформация семейных ценностей среди молодого поколения в Китае //Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2015. № 16-2. С. 12–20.

13. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 99–110.

14. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 65–80.

15. Гурко Т.А. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 77–85.

16. Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 44–55.

17. Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. Семья перед лицом новых социальных вызовов // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 60–68.

18. Елисеева И.И., Клупт М.А. // Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65.

19. Калабихина И.Е. Современная социально-демографическая политика в России: есть ли преемственность в концептуальных подходах в документах 2007-2017 гг. // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 14–28.

20. Кашина М.А. Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства // Управленческое консультирование. 2019. № 9 (129). С. 19–33.

21. Кашина М.А. Малодетность в России и Китае: сходство результатов при различии причин // Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее (к 300-летию М.В. Ломоносова): Материалы международной конференции 26-27 сентября 2011. СПб: Нестор-История, 2012. С. 52– 65.

22. Кашина М.А. Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения //Демографическое

образование и изучение народонаселения в университетах (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С.53–62.

23. Кашина М.А., Юкина И.И. Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009.Т.12. № 1(46). С. 109–123.

24. Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66–77.

25. Клупт М.А. Семья в России и Китае: между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65–75.

26. Кон. И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции [Электронный ресурс] URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Kon_Tri%20v%20odnom_2011_1.pdf (дата обращения 17.02.2020).

27. Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «одна семья - два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 53–64.

28. Ли С. Семья в состоянии «пустого гнезда» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 211–222.

29. Ли С. Формирование и особенности семейной политики в КНР // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 1. С. 138–142.

30. Миняжев Т.Р., Вэй Жочжу Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 304–311.

31. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И.И. Елисеевой. СПб: «Реноме», 2018. 208 с.

32. Савченко А.В. Китайская семья в начале XXI в.: традиции и реалии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 242–244.

33. Сивинцева О.В. Пронаталистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 54–67.

34. Симонова А.И. Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия // В сборнике: Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2017. С. 114–122.

35. Цыпилова С.С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 158–163.
36. Челнокова-Щейка Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 309–314.
37. Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб: Норма, 2008. 328 с.
38. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов /Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 470–480.